

Юрий Тынянов. Восковая персона

1930

По изданию "Кюхля. Рассказы", Л., Худ. лит-ра, 1973

OCR – Александр Продан
alexpro@enteh.com

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Доктор вернейший, потщись мя лечити,
Болезненну рану от мя отлучити.*

Акт о Калеандре.

1

Еще в четверг было пито. И как пито было! А теперь он кричал день и ночь и ошип, теперь он умирал.

А как было пито в четверг! Но теперь архиятр Блументрост подавал мало надежды. Якова Тургенева гузном тогда сажали в лохань, а в лохани были яйца. Но веселья тогда не было и было трудно. Тургенев был старый мужик, клекотал курицей и потом плакал – это трудно ему пришлось.

Каналы не были доделаны, бечевник невский разорен, неисполнение приказа. И неужели так, посреди трудов недоконченных, приходилось теперь запаправду умирать?

От сестры был гоним: она была хитра и зла. Монахине несносен: она была глупа. Сын ненавидел: был упрям. Любимец, миньон, Данилович – вор. И открылась цедула от Вилима Ивановича к хозяйке, с составом питья, такого питьеца, не про кого другого, про самого хозяина.

Он забился всем телом на кровати до самого парусинного потолка, кровать заходила, как корабль. Это были судороги от болезни, но он еще бился и сам, нарочно.

Екатерина наклонилась над ним тем, чем брала его за душу, за мясо, – грудями.

И он подчинился.

Которые целовал еще два месяца назад господин камергер Монс, Вилим Иванович.

Он затих.

В соседней комнате итальянский лекарь Лацаритти, черный и маленький, весь шуплый, грел красные ручки, а тот аглицкий, Горн, точил длинный и острый ножик – резать его.

Монсову голову настояли в спирту, и она в склянке теперь стояла в куншткаморе, для науки.

На кого оставлять ту великую науку, все то устройство, государство и, наконец, немалое искусство художества?

О Катя, Катя, матка! Грубейшая!

2

Данилыч, герцог Ижорский, теперь вовсе не раздевался. Он сидел в своей спальнй комнате и подремывал: не идут ли?

Он уж так давно приучился посиживать и сидя дремать: ждал гибели за монастырское пограбление, почепское межевание и великие дачи, которые ему давали: кто по сту тысячей, а кто по пятьдесят ефимков; от городов и от мужиков; от иностранцев разных состояний и от королевского двора; а потом – при подрядах на чужое имя, обшивке войска, изготовлении негодных портищ – и прямо из казны. У него был нос вострый, пламенный, и сухие руки. Он любил, чтоб все огнем горело в руках, чтоб всего было много и все было самое наилучшее, чтобы все было строино и бережно.

По вечерам он считал свои убытки:

– Васильевский остров был мне подаренный, а потом в одночасье отобран. В последнем жалованье по войскам обнесен. И только одно для меня великое утешение будет, если город Батурин подарят.

Светлейший князь Данилыч обыкновенно призывал своего министра Волкова и спрашивал у него отчета, сколько маетностей числится у него по сей час. Потом запирался, вспоминал последнюю цифру, пятьдесят две тысячи подданных душ, или вспоминал об убойном и сальном промысле, что был у него в архангельском Городе, – и чувствовал некоторую потаенную сладость у самых губ, сладость от маетностей, что много всего имеет, больше всех, и что все у него растет. Водил войска, строил быстро и рачительно, был прилежный и охотный господин, но миновались походы и кончались канальные строения, а рука была все сухая, горячая, ей работа была нужна, или нужна была баба, или дача?

Данилыч, князь Римский, полюбил дачу.

Он уже не мог обнять глазом всех своих маетностей, сколько ему принадлежало городов, селений и душ, – и сам себе иногда удивлялся:

– Чем боле володею, тем боле рука горит.

Он иногда просыпался по ночам, в своей глубокой алькове, смотрел на Михайловну, герцогиню ижорскую, и вздыхал:

– Ох, дура, дура!

Потом, оборотясь пламенным глазом к окну, к тем азиатским цветным стеклышкам, или уставясь в кожаные расписные потолки, исчислял, сколько